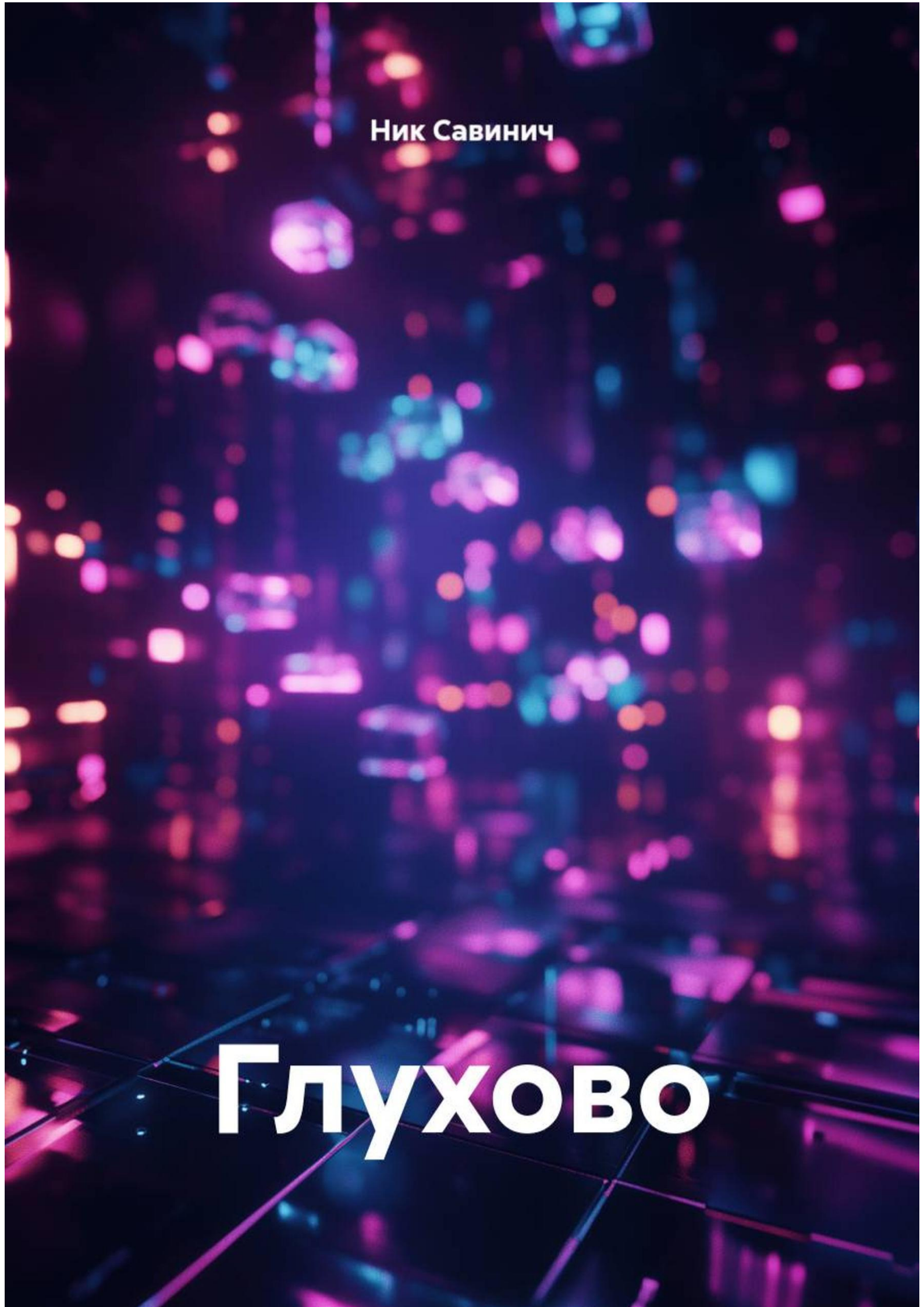

Ник Савинич

Глухово

Ник Савинич

Глухово

«Автор»

2026

Савинич Н.

Глухово / Н. Савинич — «Автор», 2026

Глухово. Зброшенная деревня, старьй колодец, ржавьй забор на краю леса. Студент-фармацевт Владлен Поппенко приезжает сюда, чтобы сдать сессию, но вместо учебников находит дыру в реальность. За забором — За-Заборье, место, где живут шпиндилёзники, летают люстры и говорят магниты. Здесь вода из колодца лечит память, а мел со школьной доски может стать ключом к спасению или оружием. А ещё здесь пропадают люди. И те, кто возвращается, уже не те, кем были. «Хроники За-Заборья» — это история о том, как обычный студент случайно становится дипломатом между двумя мирами. И о том, что за любым забором может оказаться не соседский сад, а бесконечность, к которой ты не готов.

© Савинич Н., 2026

© Автор, 2026

Ник Савинич

Глухово

ГЛУХОВО

Хроники За-Заборья

Автор: Nik Savinich

Глава 1. Великое меловое похмелье

Жизнь Павла Махоткина зашла в глухой, беспросветный тупик ровно в четверг, в восемь часов пятнадцать минут утра. В черепной коробке пульсировала боль, а во рту обосновалось стойкое ощущение, будто там безжалостно перезимовал отряд бродячих собак.

Махоткин сидел на краю дивана, уставившись в серую, унылую стену. Накануне всё пошло прахом. Он три месяца готовился к мизансцене с Ленкой со стоматологического факультета, но, будучи рабом своей нервной системы, напился ещё до того, как она вошла в кафе. Фиаско вышло эталонным: вилка, танцующая в пустом салате, и бессвязные рассуждения о вселенском тлене, от которых девушка сбежала, не дождавшись десерта.

— Всё, — хрипло выдавил Павел, глядя на пустую бутылку на полу. — Счастья под небесами нет. Жизнь — откровенная неудача. Конец фильма.

На ватных ногах он дополз до кухни. В кухонном шкафчике, за пачкой старой соды, громыхла заветная пластиковая баночка. Его «секретные колёса», которые поставлял сожитель по квартире — тихий, занудный отличник Поппенко, носивший прозвище Папик. Тот выдавал пилюли с аптекарской точностью, неизменно сопровождая ритуал суровым предупреждением:

— Смотри аккуратно, Махоткин. Дозировка тут убойная. Смешаешь с алкоголем — костей потом не соберут.

Павел судорожным движением вытряхнул на ладонь всё содержимое банки. Двадцать таблеток.

— Ну и хрен с ним со всем, — прошептал он. — А вы не знаете — так молчите!

Он закинул горсть в рот.

Смерть, однако, медлила. Вместо неё в голове вспыхнула сигнальная ракета: завтра — Юркин сабантуй. Редкая двенадцатиструнная акустика, элитный крафт и Машка из параллельной группы.

— Твою дивизию... — Пашка подскочил, едва не потеряв сознание от резкого скачка давления. — Это что же получается? Я завтрашний сабантуй века добровольно пропускаю? Из-за какой-то Ленки?! Да пошла она! Я жить хочу!

В этот же момент психосоматика включила сокрушительный ответный удар. Живот скрутило с такой силой, будто туда без наркоза засадили бензопилу. Пашка пулей влетел в санузел.

— Алло! Скорая?! Спасите! — истошно заорал он в трубку, срываясь на сдавленный ультразвук. — Отравился! Колёса сожрал! Подышаю, сделайте что-нибудь! Жить хочу! Слышите?! Жить хочу!

Глава 2. Испанский бык и датское королевство

В приёмном покое токсикологии Павла Махоткина встретили со всем суровым, конвейерным гостеприимством. Орущего студента, продолжавшего вопить: «Я передумал, у меня завтра сабантуй века!», без лишних нежностей жёстко зафиксировали на каталке ремнями.

Дальнейшее Пашка помнил смутными, болезненными обрывками. Длинный резиновый зонд, который дежурный врач загнал в желудок с грацией удава, проглатывающего козу. Литры тёплой, солёной воды, которые заливали и тут же выкачивали обратно — раз за разом, пока извергаемая жидкость не стала прозрачной, как слеза младенца. Его рвало, выворачивало наизнанку, а в перерывах между спазмами он слышал, как медсёстры в коридоре обсуждают сериалы, будто он был не человеком, а бракованной деталью конвейера.

К вечеру его, обессиленного, с синими губами и густым амбре активированного угля, обвешали датчиками, воткнули капельницы в обе руки и оставили в злоепопоскивающем полумраке. Рядом на тумбочке поставили стакан с водой и оставили записку: «Не пить, не есть, не умирать. Сестра».

На утро Павел открыл глаза. Солнечный свет резал зрачки через больничное окно, но вчерашнее похмелье растворилось бесследно. Голова была ясной, желудок — девственно чистым, а во всём теле ощущалась какая-то подозрительная, почти лихорадочная бодрость.

Тихо скрипнула дверь. Вошёл лечащий врач — плотный мужчина в безупречно отглаженном халате и очках в тонкой золотой оправе. В руках — Пашкина карта. Профессор присел на стул, долго и как-то очень странно рассматривал пациента поверх стёкол, а затем тяжело, почти разочарованно вздохнул.

— Ну что, симулянт... Скажи мне, голубчик, тебе не кажется, что что-то глубоко нечисто в Датском королевстве?

— А... что? — просипел Пашка пересохшими губами. — Доктор, я выживу? Сколько мне осталось? Скажите правду!

— Тебе-то? Да ты, парень, здоров как племенной испанский бык, — профессор с сухим стуком хлопнул медицинской картой по колену. — Я за тридцать лет своей токсикологической практики такое чудо вижу впервые. Мы прогнали твои анализы через три разные лаборатории.

Твоя кровь чиста, как у новорожденного. Желудочный сок — хоть сейчас в палату мер и весов отправляй. В твоём организме нет ни грамма антидепрессантов. Никакого химического яда. Вообще ни-че-го. Чем ты там, говоришь, так старательно травился?

Пашка захлопал ресницами, окончательно теряя остатки связи с растрескавшейся реальностью.

— Как это нет?.. Я же горсть сожрал... Большие такие, белые таблетки. Мне их сосед по комнате давал, Сашка Поппенко, он на втором курсе фармы учится... Я от них три года спал как убитый, депрессию свою чертову лечил...

Профессор на секунду замер, его брови поползли вверх, а затем породистое лицо медленно расплылось в широкой, циничной ухмылке. Он придвинулся чуть ближе к койке и показывал головой:

— Сосед, говоришь? Поппенко? С фармации? Ну, передай своему сожителю, что у парня великое, блестящее будущее в медицине и криминалистике. Твой товарищ совершил настоящее чудо. Ты три года подряд с аппетитом жрал обыкновенный прессованный мел с добавлением глюкозы и пары капель перечной мяты для запаха. Чистейшее, стопроцентное, эталонное плацебо. И твоя выдуманная «депрессия» проходила исключительно потому, что ты, дурак, свято верил этому оболтусу. А вчера ты чуть не отправился к праотцам исключительно от собственного животного страха. Психосоматика в чистом виде, батенька. Сердце чуть не порвалось от паники. В общем, свободен. Одежду забирай на складе и топай домой, не занимай койку.

Пашка не сразу сообразил, как оказался на улице. Ноги сами несли его к выходу, голова работала на пределе, переваривая услышанное. Мел. Три года. Мел.

— Папик, сука, — прошептал он, выходя из больничных ворот. — Я тебя... я не знаю, что я с тобой сделаю. Но это будет эпично.

В небе над городом кружил ворон. Чёрный, огромный, с умными, не по-птичьи внимательными глазами. Пашка поднял голову, посмотрел на него, и почему-то ему показалось, что ворон усмехается. Или предупреждает.

— И ты туда же, — буркнул Пашка и зашагал к автобусной остановке.

Он сплюнул на асфальт. Слюна была белой. Меловой. И Пашка понял, что самое страшное впереди — ему теперь придётся жить без единого оправдания. И придумать, чем накормить Поппенко в ответ.

Глава 3. Революция в бунтующем разуме

Из больничных ворот Павел Махоткин выходил в состоянии тотального когнитивного диссонанса. В его разуме разворачивалось Бородинское сражение, стремительно перерастающее в хаотичную Октябрьскую революцию. Мысли скакали с частотой пулемётной очереди: от первобытной, животной ярости — «убить гадину Поппенко!», до ледяного, отрезвляющего

осознания: «А ведь если бы не его мел, я бы вчера на том диване и двинул кони. Окончательно. Из-за глупой обиды».

Вспоминая, как Папик провернул эту грандиозную подпольную спецоперацию, Пашка даже зауважал соседа. Поппенко, едва подселившись в их съёмную квартиру, сразу раскусил, что Махоткин плотно сидит на тяжёлой, разрушающей мозг дряни. Видя, как сосед медленно, но верно катится в могилу, Папик принял решение. Резко отбирать отраву нельзя — Пашка либо в окно выйдет от синдрома отмены, либо рассудком повредится. И Папик начал тайную операцию.

Блистер за блистером он изымал настоящую отраву, смывая её в унитаз. А взамен развернул целое производство. С помощью лезвия, фена и утюга он научился вскрывать и намертво запаивать фабричные упаковки, подбирая меловые пустышки так, чтобы они идеально совпадали по цвету, весу и даже по характерному хрусту при разламывании. Три года ювелирного обмана. Три года спасённой жизни.

Адреналин требовал разрядки. Пашка долетел до дома, взлетел на третий этаж и с ноги, с грохотом распахнул входную дверь, готовый к самому брутальному мужскому разговору в своей жизни.

— Ну держись, Папик, фармацевт хренов! — рявкнул Махоткин, влетая в прихожую.

Но ответом ему была гулкая, мёртвая тишина. В квартире царил идеальный, стерильный и пугающий порядок. Исчезли громоздкие учебники по органической химии, пропали пробирки и спиртовки. Все вещи были аккуратно разложены по местам — будто здесь никогда не жил человек, а только призрак аккуратности.

Павел на ватных ногах прошёл на кухню. На пустом обеденном столе, ровно по центру, стояла та самая злополучная пластиковая баночка из-под «колёс». А прямо под ней белел вырванный из тетради в клеточку листок, исписанный аккуратным, почти чертёжным почерком Поппенко:

«Бро. Уехал к деду в деревню. Надо срочно подтянуть хвосты по анатомии, иначе отчислят к чертовой матери. Мобильник там не ловит вообще, глушь несусветная, буду без связи. Баночку мою не теряй, приеду — выдам новую порцию. Не скучай тут без меня и сильно не пей. Твой Папик».

Пашка так и остался стоять посреди безмолвной кухни, переводя ошалелый взгляд с пустой баночки на записку. Кулак был намертво сжат, адреналин бурлил в жилах, требуя выхода, но бить в этой опустевшей квартире было абсолютно некого.

Городская тишина, тяжёлая и пыльная, медленно заполняла углы, словно давая понять: Пашка опоздал. История его нелепого спасения закончилась здесь, на этой кухне. А настоящая драма уже разворачивалась совсем в другом месте.

Павел подошёл к окну и глянул в сторону окраины. Там, где город упирался в пустоту, где асфальт переходил в грунтовку, а грунтовка — в ничто, виднелась неясная, ржавая линия того самого забора. Ему показалось, что ворон, по-прежнему круживший над крышей, издал короткий, гортанный звук — странно похожий то ли на смешок, то ли на утверждение.

Махоткин понял: Папик не просто уехал. Он растворился в пространстве. Скрылся там, куда не добивала даже сломанная логика этого мира. Оставив Пашку одного перед лицом чего-то, что требовало от него не мести, а ответов.

Он взял баночку, повертел её в руках. Внутри что-то глухо стукнуло. Мел.

Но теперь, когда он знал правду, мел перестал быть просто безвредным веществом. Он стал символом. Символом того, что Пашка больше не знает, где кончается правда и начинается За-Заборье. И что, возможно, ему придётся туда отправиться, чтобы найти Папика — и заодно себя.

За окном смеркалось. Ворон каркнул ещё раз, настойчивее, и улетел в сторону ржавой линии горизонта.

Глава 4. Глухово. Встреча с прошлым

За триста километров от душного мегаполиса пыльный, дребезжащий всеми деталями ПАЗик, натужно подпрыгивая на колдобинах, со свистом выплюнул Владлена Поппенко на заброшенном повороте. Покосившийся железный указатель гласил: «Глухово».

Деревня молчала. Половина изб глядела на мир серыми, заколоченными горбылём окнами, и лишь кое-где над крышами струился едва заметный прозрачный дымок — признак того, что жизнь здесь ещё не окончательно истлела.

Дедовский дом стоял в самом конце улицы, у кромки старого ольхового леса. Папик остановился у покосившейся калитки. Пять лет здесь не было ни души. Навесной замок на дверях сеной покрылся рыжей ржавчиной и не хотел поддаваться. Владлен долго возился, чертыхаясь и грея ключ дыханием, пока механизм наконец не сдался, ответив глухим щелчком.

Дверь распахнулась с протяжным, тоскливым вздохом. В лицо ударил густой, законсервированный запах времени: сухая полынь, мышьяная заброшенность, старая олифа и застоявшийся холод нетопленной печи. Папик прошёл в горницу, аккуратно опустил тяжёлый рюкзак на пол. В наступившей тишине этот стук показался оглушительным.

На комоде, под слоем серой пыли, лежали старые фотографии в простых рамках. Владлен подошёл ближе, провёл ладонью по стеклу. Со снимков смотрело то, чего уже не вернуть. Родители — молодые, смеющиеся на залитом солнцем пляже. Дед, Алексей Поппенко, в неизменной засаленной фуфайке, с хитрым прищуром и самокруткой в зубах.

Горло перехватило тугой, горячей спазмой. Папик шмыгнул носом, отвернулся к окну и несколько минут просто стоял, сжимая зубы. Нахлынуло так, что на секунду захотелось бросить всё и уехать обратно в душный, но такой понятный город.

— Так, отставить сопли, — вслух скомандовал себе Владлен. Собственный голос прозвучал под низким бревенчатым потолком неожиданно резко. — Работы непочатый край.

Он решительно скинул куртку, закатал рукава. Первым делом нужно было вернуть дому жилой вид. Папик принялся орудовать тряпкой и веником, выметая паутину. Распахнул настежь тяжёлые створки окон, впуская внутрь густой аромат цветущей черёмухи. Затем пришёл черёд дров. На заднем дворе, из-под трухлявого брезента, обнаружились крепкие берёзовые чурбаки. Владлен отыскал в сених тяжёлый, отлично сбалансированный дедовский колун. Работа закипела. Звонкий, сочный треск раскалываемого дерева далеко разносился по затихшей деревне. С каждым ударом из головы окончательно выветривались остатки затянувшегося городского морока.

Закончив с дровами, Папик вышел за калитку — нужно было дойти до местного сельпо. Но стоило ему сделать десяток шагов по пыльной дороге, как из-за соседского забора послышался тяжёлый, шаркающий шаг.

— Батюшки светы... Лёшкин внучок, что ль? Никак Владленка пожаловал?

Папик обернулся. У забора, опершись на старые грабли, стоял старик Михалыч — давний дедовский друг и главный собутыльник былых времён. Время деда не пощадило, лицо изрезано морщинами, фуфайка засалена до блеска, но взгляд его, мутноватый, с хитринкой, остался прежним.

— Здорово, Михалыч! — Папик подошёл и крепко пожал сухую, мозолистую, как древесная кора, руку старика. — Я самый. Приехал вот, к сессии поготовиться в тишине.

— К сессии — это знатно, это дело, — закивал дед, шумно шмыгая носом. — Лёшка-то, покойник, как тобой гордился, всё уши мне прожужжал: «Внук у меня, Михалыч, дохтуром будет, фармацевтом! Из мела золото делать научится!»

Владлен замер. Словно ледяная игла вошла между лопаток. Мороз прошёл по коже, заставив волоски на руках встать дыбом.

— О чём ты, Михалыч? Какое золото? Откуда ты знаешь про мел?

Михалыч почесал небритую щеку, глядя куда-то поверх деревьев, в сторону того самого ржавого забора, который смутно угадывался сразу за лесом. Там, в глубине, воздух странно дрожал, будто над горячим асфальтом в летний полдень, хотя вокруг было прохладно и сыро.

— А то и золото. У вас, Поппенко, кровь такая — вы всё видите не так, как люди. Дед твой, Лёха, в молодости в За-Заборье хаживал. Когда мир трещал по швам и надо было понять, где правда, а где — мел. И тебя, вижу, туда тянет. Ты когда мел в таблетки фасовал, думал, он просто из школьной доски? А он из того самого места, где земля пахнет полыньёю, а вода лечит не тело, а память.

Папик остолбенел. Челюсть отвисла, слова застряли в горле.

— Откуда ты знаешь про таблетки? — выдавил он наконец.

— Ветер принёс, — старик хохотнул, но глаза остались серьёзными, почти чугунными. — Ветер из-за Забора. Он тут всё знает. И про твоего дружка Махоткина слышал. Пашка твой в городе сейчас совсем берега попутал. Наглотался твоего мела, а тот, брат, не простой, а с

памятью. Теперь бегают, кричат, не понимают, жив он или уже перешёл. Ему бы сюда, в Глухово. Здесь воздух правильный. Здесь если сожрал чего лишнего — так хоть знаешь, что именно, а не этот ваш городской аптечный цирк.

Он развернулся, опираясь на грабли, и заковылял к своему крыльцу, не оглядываясь. На прощание бросил:

— Ты иди, Владленка, в сельпо. А вечером — ко мне. Мы с тобой поговорим не про анатомию. Мы поговорим про то, как тебе найти ключ к этому мелу. И про то, почему твой дед, царствие ему небесное, всегда держал в погребе бутылку с водой из-под старого колодца.

Владлен стоял посреди дороги, глядя вслед старику. Вечер опускался на деревню тяжёлым, густым покрывалом. Тени удлинялись, сливались, и в сгущающейся темноте границы между избами, лесом и тем, что за лесом, начинали стираться. Где-то в глубине ольхового леса послышался странный, низкий гул — будто огромный невидимый контрабас взял одну длинную, бесконечную ноту, от которой завибрировали рёбра.

Папик посмотрел на свои руки. Меловая пыль от дров въелась в поры кожи, смешалась с потом, засохла белёсыми разводами. Он потер пальцы, чувствуя, как реальность вокруг начинает дрожать, словно море над горячим асфальтом, а сам воздух становится плотным, почти осязаемым.

Глухово не было просто деревней. Это был портал. Место, где забор из ржавого металла превращается в изгородь из чистого света, а обычная вода из колодца может исцелить или убить. И дед знал это лучше всех. И Михалыч знал. И теперь это знание, тяжёлое, как мешок с песком, легло на плечи Владлену.

— Ну, добро пожаловать в анатомию, Владлен, — тихо сказал он сам себе и двинулся в сторону магазина.

За спиной, в предзакатном небе, над кромкой леса, отчётливо проступил контур того самого забора. Только здесь он был не ржавым, а словно высеченным из чистого, холодного света, пульсирующего в такт глухому гулу из чащи.

Папик не обернулся. Он знал, что ещё увидит его — и не раз. Вопрос был только в том, готов ли он к тому, что будет по ту сторону.

Глава 5. Тени у колодца

Вечер выдался тихим и удивительно тёплым. Михалыч пришёл, как и обещал, притащив с собой заиндевевшую, запотевшую бутылку мутного домашнего первача и завернутый в газету шмат солёного, подкопчённого сала. Сало пахло вишнёвым дымком и чесноком так, что у Папика свело скулы, а первач в мутном стекле казался жидким янтарём, застывшим во времени.

Они засели за дедовским дубовым столом под тусклым светом одинокой лампочки. Тени от их фигур плясали по брёвнам, сливаясь с тенями от старых фотографий на комод.

Разговор поначалу шёл натужно, но после первой же стопки обжигающего, ядрёного напитка, от которого в груди разлился настоящий пожар, барьеры рухнули. Михалыч пил размашисто, истово, то и дело хлопая мозолистой ладонью по столу и вспоминая такие угарные подробности из дедовского прошлого, что Папик только диву давался.

— Мы с Лёхой, пышты, всю округу в кулаке держали, — гремел Михалыч, цепляя вилкой кусок сала, с которого капал прозрачный жир. — Он как задумает что — пиши пропало. Однажды хряка соседского объездить решил, упряжь на него нацепил, пышты... Хряк в галоп, Лёха в крапиву, а я со смеху забор сломал. Воротили дела!

Они смеялись до слёз и грустили, молча чокаясь за тех, кого больше нет. Первач улетал незаметно, утягивая Владлена в плотный, хмельной и удивительно уютный туман деревенского застолья. Михалыч под конец уже совсем размяк, обнимал Папика за плечи:

— Ты теперь тут за хозяина, паря. Один не останешься, пышты. Чуть что — я через забор наискосок. Сосед рядом.

Старик ушёл далеко за полночь, шумно качаясь и распевая под нос какую-то дореволюционную строевую песню. Его голос долго ещё звучал в тишине, постепенно затихая в сторону своей калитки.

Утро встретило Владлена жесточайшим, чудовищным похмельем — деревенский первач шутить не любил. Голова гудела так, словно по ней без остановки колотили тем самым дедовским колуном, а во рту стоял привкус медной проволоки и пепла. Язык стал ватным, мысли ворочались медленно, как старые черепахи.

Кое-как поднявшись с постели, Папик понял, что без глотка свежей воды он просто не доживёт до полудня. Но с водой в доме оказалась полная засада — привезённые запасы кончились. Владлен взял старое эмалированное ведро, изнутри покрытое странной синеватой патиной, и поплёлся на задний двор, к заброшенному колодцу возле сарая.

В детстве этот колодец казался ему самым праздничным, весёлым и волшебным местом на земле. Дед всегда красил его в ярко-зелёный цвет, над воротом крутилось забавное жестяное ведёрко, а вода оттуда была сладкой и ледяной, до ломоты в зубах. Сейчас же от бывлой сказки не осталось и следа. Колодец выглядел как настоящий оживший кошмар. Сруб потемнел, покрылся склизким, изумрудным мхом и местами прогнил, крышка перекосилась, а из тёмного, зияющего нутра пахло глухой, болотной сыростью, прелыми корнями и вековым разложением.

Папик опасливо заглянул внутрь. Там, далеко в глубине, тускло поблескивало чёрное зеркало застоявшейся воды. В его непроглядной глади на секунду ему почудилось чужое, искажённое лицо с пустыми глазницами, но он моргнул — и видение исчезло, сменившись его собственным бледным отражением.

— Да уж, без бутылки и ремонта тут ловить нечего, — прохрипел он, морщась от головной боли.

Но делать было нечего. Фармацевт внутри него требовал чистоты, так что чинить и чистить это чудовище придётся в самое ближайшее время. Кое-как нацедив ведра два относительно прозрачной воды из верхних слоёв и наскоро умывшись, Папик решил, что первый и самый главный долг нужно отдать прямо сейчас. Он вышел из дома и направился в сторону деревенского погоста.

Сельское кладбище располагалось на холме за околицей, в густом окружении старых, причитающих на ветру берёз. Воздух здесь был другим — плотным, пахнувшим сухой полынью, остывшим воском и чем-то ещё, едва уловимым, похожим на старые, забытые молитвы. Папику не пришлось долго искать — дед и родители были похоронены рядышком, за одной общей невысокой оградкой. Оградку когда-то красили в чёрный цвет, но краска облупилась, и под ней проступила ржавчина, похожая на старые, незаживающие раны.

Навалилось всё сразу. Владлен опустился на колени прямо на сухую прошлогоднюю траву перед могилами. Глядя на выцветшие овальные фотографии на памятниках, он больше не сдерживался. Слезы хлынули сплошным потоком, плечи судорожно затряслись. Он плакал навзрыд, выплёскивая всю ту боль, обиду и одиночество, которые годами копил в себе в холодном городском общежитии. Он просил прощения за то, что редко приезжал, за то, что не успел сказать самое главное, за то, что остался жить, когда они ушли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.